

В.А. Орлов фон Корф

**Трудные
девьяности**

18+

Валерий Корф

Трудные девяностые

<https://litres.ru/74349597>

SelfPub; 2026

Аннотация

Девяностые годы, как мечом перерубили наше общество и человека. Мы еще жили в стране советов, глядели на жизнь глазами коммунистов. Новое общество предложило другой путь. Можно долго спорить о том, что произошло, вот эта тема легла в основу этой книги.

Содержание

Бессонница	4
Бомж	34
Гоша и Кеша	50
Две Ольги – два Олега	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Валерий Орлов фон Корф

Трудные девяностые

Бессонница

Большой старый дом – «колодец» в центре Петербурга, засыпал всегда одинаково. Сначала гасли окна в первых этажах, а немного позже, очередь доходила и до верхних. Если внизу властвовала темнота, то сверху недремлющее северное небо еще посылало серые отблески ночных видений.

Жители этого дома - «колодца» привыкли выключать свет к двенадцати часам ночи, их настораживал и пугал фейерверк света в противоположных окнах. Поэтому, хочешь ты спать или нет, а будь добр, не выделяйся световым эффектом. Только две лампы освещали центр детской площадки, да четыре слабых отблеска у подъездов. Если третий и четвертый этажи находились в постоянной полутьме, то в окна первого-второго этажей заглядывали лучи света от фар въезжающих машин. Пятый и шестой этажи зависели от желания небес, открыть или закрыть тучами ночной источник освещения - луну.

Наш герой жил на втором этаже и привык ровно в одиннадцать тридцать гасить свою красивую люстру и отправляться на ночной отдых. Ему надо было рано вставать; предприятие,

где он работал, находилось далеко от дома, а добираться было довольно сложно. Как человек очень аккуратный и чистоплотный, он ложился в постель с накрахмаленными до хруста белоснежными простынями. Сам процесс отхода ко сну имел свои ритуальные правила: надо было тихо, без единого звука, поставить под кровать ночной горшок; вытащить из шкафа коврик и поместить его на полу ровно по центру кровати; наручные часы повесить на стене рядом с подушкой, около которой, надо положить маленький блестящий фонарик; поставить стулья в комнате так, чтобы легко можно было передвигаться в темноте.

Жил он в небольшой комнате, в коммунальной квартире, где проживали еще две пожилых женщины. Они спать ложились раньше него и в десять вечера квартира замирала. Последнее, что делал наш герой – это подходил к двери и несколько минут стоял и слушал уснувшую тишину; если вдруг раздастся скрип старого паркета, то он долго размышлял, кто произвел этот звук.

Наконец, приходил долгожданный момент – он ложился в холодную, «девственную» постель в надежде окунуться в ночной бескрайний сон. Иногда это желание сбывалось, и он сразу уплывал в ночные видения, но чаще, приходилось долго крутиться в постели: открывать и закрывать глаза, пересчитывать то верблюдов, то овец проходящих перед его мысленным взором. Когда их число переходило разумные пределы, он начинал выискивать среди них пастуха или пастушку.

Но начинал всегда так: «Шел один верблюд, шел второй верблюд и так далее...» Если сон не обволакивал его воспаленный мозг, то пробовал мысленно говорить: «Верблюд один шел, верблюд второй шел...» Бывает и срабатывает такая считалка, и он оказывался в сладких объятиях сна. Правда, чаще промучившись, час или два, он открывал глаза и, уставившись в невидимую темноту, начинал мечтать или вспоминать свою жизнь. Мечты долго не задерживались в его голове; они как приходили, так сразу и исчезали за тем неясным порогом, откуда могли появиться. Зато воспоминания долго будоражили его сознание, оставляя красочные картины, где он видел себя и своих родных.

Начинались они с детства в далеком южном Душанбе. Вот он лежит в большом тазу, наполненном теплой водой, мать, смеясь, ласковыми руками гладит его шелковистую кожу и говорит тихим голосом что-то приятное. Ему очень хорошо, большое, яркое солнце не жжет, а ласкает маленькое тельце, игрушки плавают вокруг, и он пытается собрать их вместе, но они разбегаются в разные стороны, а он весело смеется.

Как он попал в далекий Душанбе?! На это есть ответ. В пятидесятых годах его родители по комсомольским путевкам были направлены в этот южный город, для строительства комбината по переработке хлопка. Раньше они жили в Воронеже, где отец работал шофером на каком-то предприятии, мать там же на ремонтных работах. Как позже она рассказывала, познакомились на танцах в городском саду, че-

рез месяц сыграли свадьбу... (если так ее можно назвать). В комнате общежития собралось человек шесть друзей, выпили немного вина, закусили винегретом и закончили праздник чаем с дешевыми конфетами и печеньем. Время было тяжелое, послевоенное, кругом разруха и нищета, место в общежитии и то можно было получить с трудом, а тут случайно прочитали объявление о приглашении на строительство комбината, где молодым специалистам обещали жилье и немалые деньги, и много-много всяких южных фруктов. Конечно, они поехали. Их не обманули – фруктов было много, жаркое солнце сначала радовало, а потом от него приходилось прятаться. Первые три года жили в домах барачного типа, где была своя небольшая комната. Позже, обещали предоставить современную квартиру в новом доме и... сдержали свое слово. Заработки тоже вполне устраивали.

Когда мать рассказывала об этом времени, в ее глазах возникали искры добра и счастья. Он хорошо запомнил эти лучистые глаза и теплые нежные руки, которые и согревали, и оберегали его детство. Есть у него и фотография, старая, потрескавшаяся, где он стоит рядом с матерью и держится ручонками за платье, а на ее руках в ярком платке-одеяльце была его сестренка, а сзади, какое-то пушистое, зеленое дерево с крупными оранжевыми плодами.

Почему-то в его ночном бдении видится всегда мать, образ отца как-то мельком проскальзывает и сразу исчезает. Отца запомнил, как высокого, красивого мужчину с черны-

ми густыми волосами; малышом, он часто засовывал маленькие ручки в его шевелюру, и ощущение металлической жесткости волос осталось в памяти. С ними отец прожил недолго, всего десять лет и молодая семья распалась. К этому времени они получили хорошую двухкомнатную квартиру, о чем мечтали все молодые годы. Мать сказала детям, что отец ушел в другую семью и уехал жить в Россию. Отца он больше не видел, но о жизни родителя кое-что слышал от его родной сестры, которая жила недалеко от них.

В новой семье отец прожил немного, едва перешагнул свое сорокалетие, как жизнь его прервалась на операционном столе. Ему делали простую операцию по удалению аппендицита, но, попавшая в рану инфекция, привела к трагедии. Маленькая фотография, от какого-то удостоверения чудом сохранилась. Иногда, перед зеркалом, он невольно искал сходство со своим родителем и находил: правильные черты лица, темные глаза, густые, жесткие волосы. Пройдя через все воспоминания о своем детстве, он постепенно переходил к школьным годам.

В летнее время ему были видны неясные очертания обстановки комнаты: шкаф, стол, стулья. В зимний период крошечная темнота окутывала все вокруг, и только свет ночника мог подсказать время. Даже ночной горшок и тот, с трудом, можно было найти под кроватью (бегать в туалет он лежал, да и далеко приходилось идти). Иногда вставал, подходил к окну и долго смотрел во двор сквозь прозрачные

шторы, при этом прислушивался ко всякому стуку или шороху, возникающему в коридоре.

Одна из соседок любила кошек. Две ее кошки днем всегда сидели в комнате и только ночью, она давала им возможность порезвиться в коридоре и на кухне. Шум от этих игр доносился до него и навевал воспоминания школьных лет и ранней юности.

В классе, где он учился, было сорок учеников разных национальностей: русских – половина (их родители работали на строительстве комбината), узбеков и таджиков – человек десять, казахи, татары, евреи и немцы составляли остальное число учащихся. Учились и жили все вместе, редко ссорились, стычки возникали между ребятами, но быстро перерастали в мирные игры. Круглых отличников в классе не было; несколько человек учились без троек, но основная масса заядлые середняки, у которых оценки от двойки до четверки шли с переменным успехом.

Школа располагалась в старой, деревянной постройке тридцатых годов. Раньше там был барак для рабочих, который немного перестроили, поставили ряд стен в больших помещениях. Никаких отдельных кабинетов, по предметам не было; ученики в одном помещении высиживали положенное время за маленькими партами, у которых сидение и стол закреплялись единой нижней перекладиной. Ни о каких шариковых ручках, они не слышали, а писали деревянными со стальными перьями. В каждой парте имелось два отверстия

для чернильниц-непроливаек. Учитель в своем столе имел большую бутылку черно-синих чернил, которые аккуратно заливал в сосуды.

В первых классах много времени уделялось чистописанию, этот предмет он всегда не любил. Все эти палочки, нолики, закорючки редко выходили красивыми – не было терпения. На переменах бегать было негде: узкие коридоры не давали возможности поиграть или попрыгать, разогнать застоявшуюся кровь. Свои отношения ребятам приходилось выяснять только в туалете (чистой небольшой комнате), где в полу было вырублено штук шесть круглых отверстий вдоль стены. Центр помещения был свободен и считался ареной для борьбы. Он никогда не участвовал в мальчишеских потасовках, так как от природы был тихим, спокойным мальчуганом, но любил наблюдать за отчаянными схватками своих знакомых. Встанет, где-нибудь у входа или в углу и подбадривает криком одного из бойцов.

Еще ему нравился буфет (небольшая угловая комната), где едва помещалось десять человек, через стеклянную витрину была видна школьная съестная продукция: баночки с кефиром, стаканы с компотом, большие жирные калачи, маленькие, толстенькие пончики, дешевые конфеты и дорогие шоколадки. Мать давала ему деньги на завтраки, но они так быстро улетучивались из карманов, что он с трудом вспоминал, на что их потратил.

Мальчишки из его класса играли во дворе на деньги. Вста-

нут около угла здания и начинают бить монетками о стену, а те отскакивали и падали на землю, если счастливец мог дотянуться пальцами ладони до монеты приятеля, то забирал выигрыш себе.

Другая игра заключалась в бросании монет, но смысл был тот же – дотянуться и забрать выигрыш. Он несколько раз принимал участие в играх, но ему не везло, всегда проигрывал.

Учиться он не любил, а ходил в школу по принуждению родителей. Правда, любил слушать на уроках истории рассказы учителя, но отвечать у доски, перед классом, было сплошным мучением: слова путались в предложениях, мысли выскакивали и тут же пропадали, весь класс смеялся. Если его спрашивали: «Кем ты хочешь стать, малыш, когда вырастешь?!» Он только мялся и молчал – сам не знал! Какая-то неуверенность, робость преследовали его всю жизнь. Приятели еще с первого класса влюблялись в своих сверстниц, ходили за ними по пятам, устраивали рыцарские бои на саблях-палках, во имя прекрасных дам, а он только наблюдал за всем происходящим со стороны. В седьмом классе, несколько раз провожал понравившуюся ему одноклассницу, но друзья стали над ним посмеиваться... пришлось забыть о начавшейся дружбе.

На выпускном вечере, после окончания восьмого класса, он несколько раз танцевал с ней, но потом произошла неприятная история, которая их рассорила. Пьяные мальчишки из

соседнего класса в темном коридоре стали приставать к его подруге, а он испугался и убежал. Вспоминал о своем постыдном бегстве всю жизнь, иногда пытался себя оправдать, но не получалось!

Полежав, потом посидев на кровати, он стал тупо смотреть в темный проем окна. «Ну, хотя бы появилась искра света!» – трагически думал наш герой. Везде взгляд натывался на мрачную, вязкую черноту и мысли снова уносились в прошлое.

После окончания восьмого класса, его приятель, разбитной, смелый паренек, уговорил сдать документы в автодорожный техникум. При этом рассказал о больших жизненных преимуществах профессии автомобилиста: сможет сам себе починить автомобиль, если захочет из какого-нибудь «старья», сделает гоночную машину, а главное, получит права на вождение. Решение было принято, он попробовал поступить в техникум, но завалил второй экзамен, а приятеля отчислили после первого. Друзья не растерялись и поступили в техническое училище, которое готовило слесарей и токарей. Тоже нужная специальность и всегда пригодиться в жизни! Время учебы он плохо помнит, но зато месяц сентябрь каждого года, напоминает об уборке хлопка. Это была адская работа – по жаре таскать корзину или мешок и наполнять их хлопковыми шариками, пальцы устают от однообразной работы, жесткие коробочки режут кожу. Да, вспоминать об этих временах... не очень-то хотелось, но память

так и заставляет доставать из всех уголков затаенные мысли.

На уборке научился, и курить. Сигареты стоили дорого и он с друзьями, делал «самокрутки» из газеты и махорки. Противное состояние испытывал всегда после первой затяжки: глаза наполнялись слезами, голова кружилась, кашель раздирает слабую грудь. Приятель его успокаивал словами, что процесс курения лечит от простуды. И правда, в ночные часы, когда холод сковывал тело, одна «самокрутка» спасала от болезни. Климат в этой местности был не из приятных: днем все мучились от страшной жары, ночью не знали где найти теплое место. У него был свитер, но тот не помогал в ночные часы, а сильные мальчишки еще отбирали тонкое одеяло. Так что, эта уборка была сплошным мучением и запомнилась на всю жизнь.

Еще запомнился страх, который испытал при виде большой черной змеи. С приятелями шел по берегу горной речки, решили искупаться, вода была очень холодная, все замерзли. Соорудили небольшой костер, хворост быстро прогорел и все разбрелись в поисках сухого топлива. Недалеко от стоянки он нашел толстую корягу, придавленную камнями. Вытащить ее сразу не смог и решил разбросать верхний мусор. Едва он сбросил первый камень, как заметил змею. Черная извивающаяся лента гада стала сворачиваться спиралью. Он еще не понял величину опасности, но какая-то внутренняя сила отбросила от страшного места. От неожиданного страха тело покрылось потом, сначала стало жарко,

потом сковал холод. «Ничего себе, как мне повезло! Это же – Гюрза, самая ядовитая змея. Я же был на волосок от смерти!» - все эти мысли мелькали в голове, когда он не шел, а бежал к своим друзьям. Запыхавшийся с вытаращенными глазами, появился он перед ними и стал сбивчиво рассказывать о страшной встрече. Один из старших товарищей, почесав затылок, медленно произнес: «Ты родился в рубашке! Счастливец! Пойдем, разберемся с этой дрянью!» Взяв крепкую сухую палку, он повел всех в указанную сторону. Вскоре ребята пришли к нужному месту. Змея, чувствуя себя хозяйкой положения, никуда не собиралась уползать. Обвив толстыми кольцами корягу, наслаждалась прохладой тянувшейся от холодной воды. Старший парень, сделав из своей палки рогатину, рассказал приятелям о наступательном плане: он сбивает змею с коряги, прижимает ее голову палкой, двое постарше, лопатой и топором рубят Гюрзу. Операция была проведена молниеносно, тело змеи, порубленное на куски, слабо дергалось в кровавой жиже. Парень, державший змею, крикнул приятелю, чтобы ему дали лопату, ловкими ударами размозжил голову и быстро отпрыгнул назад. Ребята видели, как кровавый кусок бросился в сторону обидчика, но сил у змеи не хватило, пролетев сантиметров тридцать, она упала на песок и завертелась.

- Ничего себе, какая живучая тварь! - сказал кто-то.

- Да, с этими гадами надо быть осторожными и оставшаяся голова может убить! - Костер готов, мясо змеи есть! -

Прошу попробовать местный деликатес! - неожиданно весело раздался голос старшего.

Все неуверенно смотрели на останки змеи, а старший взял три толстых куска и отправился к костру. Через некоторое время этот парень достал обуглившиеся куски и стал аппетитно раздирать крепкими зубами дымящееся мясо. Последователей у него не нашлось – все испуганно смотрели на эту трапезу, боялись отравиться, хотя понимали, что весь яд находится в железах рта змеи.

Эти воспоминания отбросили сон еще дальше. Бессонница, как та змея, обвила его и лишила спокойного, сладкого сна. Он тихо ходил по комнате, долго стоял у окна, заглядывал в черные проемы улов двора, прислушивался к возне кошек за дверью, а его мозг продолжал раскручивать кадры прошедшей жизненной хроники.

Однажды, в парке, один из приятелей дал ему попробовать пожевать серо-коричневый комок с приятным запахом. Перед этим они выпили какой-то красной «бормотухи», и у него закружилась голова и поташнивало. «Пожуй, только не глотай. Тебе станет легче!» - советовал добрый друг. И, правда, чувство отвращения от выпитого скоро прошло, в голове прояснилось, во всем теле появилась необычайная легкость. Ему, казалось, что если подпрыгнет, то взлетит птицей на небо.

На танцплощадке он не толкался в углу, как раньше, а выбрался в центр и лихо крутился с неизвестной красавицей.

Это чувство легкости, свободы, беззаботности ему понравилось; не проходило и дня, чтобы во рту не таяло божественное снадобье. Скоро он так привык к этому новому состоянию, что перестал различать, где искусственная, а где естественная жизнь. За небольшую плату приобретал у приятеля «билет в сказочный мир». Его организм не протестовал, а наоборот, принимал наркотик как благожелательное лекарство и впитывал в себя все без остатка. Постепенно игра с «наркотой» переросла в тяжелую, затяжную болезнь. Иногда, он пробовал вырваться из опасного круга, но пораженное болезнью тело, заставляло вновь принимать «коричневые шарики». Помог справиться с недугом неожиданный случай. Родная тетка, сестра отца, которая жила недалеко от них, давно обещала поехать с ним в Ленинград, познакомить с великим городом, погулять по его паркам, посетить музеи. В Ленинграде у нее жила какая-то дальняя родственница, которая обещала устроить их с ночлегом дней на десять. Затея эта ему понравилась, давно хотелось посмотреть мир, кроме своего города и его пригородов, он нигде не был. Эти разговоры о поездке длились давно, то забывались, то, за чашкой чая, вновь вспыхивали.

Однажды, поздно вечером, он пришел из парка в болезненном состоянии. Его знакомый не появился на танцах и очередную дозу наркотика, не удалось получить. В квартире все спали, на кухонном столе, около холодного ужина лежала записка: рукой матери было написано, что в семь утра

с документами и в новом костюме, он должен быть в аэропорту, откуда, вместе с тетей, на самолете полетят в Ленинград. Внизу была приписка: «Не вздумай передумать, у тебя отпуск!» Это известие и обрадовало, и испугало, лететь без наркотиков было страшно, как он будет себя чувствовать в поездке!? Быстро собрав вещи, он сначала решил бежать на другой конец города к приятелю, но быстро передумал (ночной город таил в себе большие неприятности). Решил утром позвонить по телефону в мастерскую, где они вместе работали, может быть, тот вырвется на пару часов и привезет несколько доз к самолету.

Часа три провалялся в постели, проклиная бессонницу и нервное состояние. С рассветом на первом автобусе приехал в аэропорт. Там у кассы встретил тетю, купили билеты, оформили все нужные документы, до отлета оставалось около часа. Он пробовал дозвониться до приятеля... безрезультатно! В голове мелькала безумная мысль – все бросить и бежать из аэропорта! Но рядом была тетка, которая весело щебетала о новых встречах, которые их ждут, правда, несколько раз пристально глядя ему в глаза, с тревогой спрашивала о здоровье. Он только отшучивался и отвечал, что не успел отдохнуть после гулянки. Настроение было препаршивое: холодный озноб начинал трясти тело, ломота и судороги потихоньку подбирались к членам.

В самолете сидел сбоку от прохода, красивые девчонки-стюардессы, часто пробегавшие мимо, с удивлением

смотрели на его скорчившуюся фигуру. Тетка сидела сзади и что-то скороговоркой говорила. Ему давно хотелось полетать на «стальной птице», получить новые ощущения, почувствовать живую вибрацию тела машины, но... только не в нынешнем состоянии!

Самолет легко заскользил по взлетной полосе. Сначала в иллюминаторе он видел бегущую землю, а потом маленькие квадратики строений, полупрозрачные дымчатые облака, блестящие спирали рек. От увиденного его голова стала кружиться, появилась тошнота. Тетка заботливо подсунула ему два толстых бумажных пакета... и вовремя! Сколько раз его выворачивало наизнанку - не помнил! Пришел в себя уже на земле.

Ленинград встретил холодным ветром и мелким дождем. После жаркой погоды юга, город был необычным и неприветливым хозяином, который пригласил в гости и забыл открыть двери.

На такси они быстро доехали до теткиной родни. С улицы вошли в какой-то двор – «колодец»: облезлые стены, темные проемы окон, холодные капли дождя, тряска во всем теле – вот все, что он запомнил в день приезда. Горячий чай с медом немного прояснил сознание. Маленькая, чистая кухня, электрический самовар с яркой росписью, большая красная чашка с белыми горошинами, улыбающиеся лица незнакомых людей промелькнули и исчезли в нездоровом сне. Он не помнил – спал или бодрствовал, но явственно видел, как

со стены сползли какие-то черные меховые шарики с глазами, в которых зияла пустота. Они медленно подкатились к нему, он с удивлением смотрел на эти странные существа. Оказывается, у них были еще и уши, и плотно сомкнутые рты. Приблизившись к его телу, они раскрыли рты, сплошь усеянные мелкими зубами, и впились в руки, ноги, голову, и поясницу. Страшная боль скрутила тело, бросила его с кровати на пол, заставляя корчиться и кричать, и так несколько раз подряд фантастические «шары-призраки» подкатывались, рвали его тело и снова отползали. Он потерял счет времени, день и ночь слились в одно непроглядное целое, как мутная вода обволакивающая тело и тянущая то вниз, то вверх. Потом все успокоилось, открыв глаза, с удивлением увидел, что лежит на большом, черном, кожаном диване. В полутемной комнате никого нет, на стене размеренно тикают старинные часы в резном футляре. Он тихо поднялся и пошел искать туалет. В соседней комнате увидел тетку в махровом халате, смотрящую телевизор; она испуганно взглянула на него, но тут же улыбнулась и мягким голосом сказала: «Ну, что очнулся!? Три дня тебя трясло, как осенний лист! Два раза вызывали «скорую», что только врачи про тебя не говорили! Сначала думали последствия простуды, потом отравления! Не знали чему верить! Слава Богу, все обошлось!» Он то - знал причину случившегося, но «молчание - золото!»

Его организм, после трех дней невероятных мучений, на-

конец, выкинул из себя всю наркотическую заразу и зажил прежней здоровой жизнью. «Никаких больше приятелей с наркотой к себе не подпущу!» - зарекся он.

Когда они с теткой вышли из квартиры, он еще раз удивился своеобразию архитектурного строения двора - «колодца». Может здесь была своя гармоничная красота, но почти все свободное пространство было завалено штабелями пустых ящиков, которые высились почти до второго этажа. Нижний ряд этой «деревянной горы» почернел от дождей, гнилья и ветхости; в проемах-пустотах нашли себе жилище брошенные кошки, крысы и несколько забытых собак. Больше всего его поразил котенок, который встретил их около входа; сначала ничего необычного в нем не было заметно, но приглядевшись, страх сковывал смотрящего – у котенка не было глаз! Видимо, ворона выклевала их! Эти глазницы-пустоты на опрятной, пушистой мордочке своим контрастом мертвого и живого приводили в трепет любого.

«Вот откуда пришел мой сон! Видимо, проходя по двору первый раз, я видел этого уродца, он и остался в моей памяти, а потом выплыл в наркотическом сне» - мелькнуло у него в голове.

С теткой они посетили много музеев Ленинграда и пригородов. Поездкой он был доволен и сказал своей спутнице, что если где и жить, то только в этом прекрасном городе. Единственное не понравилось – это неустойчивая погода, привык к южному климату.

А сон, где-то витал в других комнатах и про него совсем забыл. Да, и он, по старой бессонной привычке не расстраивался. Нет сна и не надо! Днем где-нибудь и покемарю час-другой.

Мысли о прошлом все больше овладевали им. После Ленинграда, почему-то сразу вспомнилась Армия. Его забрали служить через месяц после приезда. В военкомате вся их дворовая компания собралась вместе. Сначала прошли медицинскую комиссию, потом по одному стали вызывать в кабинет для собеседования. Его вызвали в большое помещение заставленное шкафами, в центре за столом сидели два офицера – капитан и толстый майор. Капитан не обратил внимания на вошедшего, а все что-то торопливо писал мелким почерком в тетради. Толстый майор грубым голосом пригласил сесть и сразу стал задавать вопросы, которые касались его желания служить и образования. Он бодро сообщил комиссии, что закончил техническое училище и среднюю школу, занимался спортивным бегом, имеет второй разряд, желает служить в авиации, так как его отец тоже служил авиационным стрелком на тяжелом самолете. Его внимательно выслушали и отправили в коридор.

Через час после томительного ожидания, будущих солдат построили в шеренги в небольшом актовом зале и зачитали по списку – кого и куда направляют служить. Отправляли в разные точки огромного Государства от Дальнего Востока до Эстонии, а его и еще одного парня распределили

в Германию. Почему именно туда? Он так и не понял, может быть из-за высокого роста и привлекательной внешности, а может, просто понравился. Его приятеля – ясно почему. Он увлекался радиodelом и продемонстрировал майору свою последнюю модель приемника, улавливающего все станции эфира. Майору эта игрушка так понравилась, что он сам долго крутил ручку и удивлялся чистоте и ясности звука. Всем новобранцам выдали нужные документы, распределили по командам и велели с вещами собраться около военкомата.

Через неделю, он с приятелем стоял около проходной военной части в далекой Германии. Красная звезда на металлических воротах говорила о том, что здесь находится территория его могучей страны. Сначала их отвели в штаб части, где сообщили, что ему придется служить в роте охраны, а приятелю на радиолокационной станции. Через час он был похож на настоящего молодого солдата. Зеленая защитная форма сидела угловато, стриженная голова блестела из-под пилотки, кирзовые сапоги не давали легко ходить.

Служба была однообразной и тягучей. В его обязанности входило охранять различные объекты части, от складов до проходной. Военская часть занимала большую площадь, сама она располагалась недалеко от небольшого немецкого городка. Большой бетонный забор закрывал ее от внешнего мира. Внутри части каждый кусок земли имел свое назначение: штаб, казармы, склады, клубы, дома офицерского со-

става и т.д.

Рабочий день был так насыщен, что он никогда не мог сказать какое сегодня число. Дни пролетали со скоростью часовой стрелки. Наряды, тревоги, стрельбы, учения – все смешалось в солдатской службе. Из этой тягучей временной массы сложно вспомнить и выделить что-то одно. Страх всегда запоминается на всю жизнь. Было три таких случая, которые камнем лежали внутри его тела.

Первый – на учениях бросали боевые гранаты из окопа. Сосед, парень из далекой сибирской деревни, по какой-то причине замешкался, выдернул чеку и уронил себе под ноги гранату. Страх сковал всех, кто был рядом. Хорошо, что бывалый сержант сильным ударом отбросил солдата, схватил смертоносный предмет и выбросил из окопа. Сухой треск разорвавшейся гранаты раздался в воздухе. Никто не пострадал.

Второй случай на охоте. Командование решило хорошо провести время на охоте в заказнике, где водились кабаны и олени. Солдат вместе с егерями заставили гнать стуком и криком бедных животных в одно место к поляне, где их поджидали с ружьями десятков генералов и других высоких чинов. При приближении к цели, на него с приятелем из кустов выскочил огромный кабан-секач. Протаранив близлежащую растительность, он буквально прижал солдата своим мощным телом к стволу дерева. Как ему повезло, понял позже, когда прошел первый шок от страха. Если бы животное от-

клонилось хотя бы на тридцать сантиметров, он был бы раздавлен огромной тушей и вспорот мощными клыками.

Третье страшное происшествие – встреча с приятелем, который был в бедственном положении. Их вместе призвали в одну воинскую часть, только он попал в охрану, а тот в радиолокационную часть, где сидя в бетонном бункере, вылавливал в эфире нужные для командования сведения. Во время его дежурства произошла утечка радиации и несколько солдат и офицеров были облучены. Их всех направили на лечение в госпитали. Автобус, который их вез проезжал через его КПП. При оформлении документов солдаты вышли из автобуса покурить и вот тут он увидел своего друга. Узнал, что тот ложится в госпиталь и уходит на «дембель». Приятель, молча, снял ремень и задрал гимнастерку – на голом белом теле выделялись темно-коричневые пятна. Он объяснил, что теперь стоит вопрос не только об увольнении из армии, но и о жизни. Ему стало жаль сослуживца, но смог только сказать: «Да, не повезло! Армия, есть армия!» Через год узнал, что приятель после госпиталя устроился на мясокомбинат, для того чтобы пить свежую кровь. Все равно не помогло, скоро умер от рака крови.

Еще долго, лежа в постели с открытыми глазами, он перебирал детали армейской жизни. Вспомнил командира роты – невысокого, худощавого, очень подвижного капитана, который поражал солдат своим умением стрелять из автомата. На полигоне он демонстративно дырявил подброшенные

картонные тарелки.

Еще вспомнился случай с молодой женщиной. По субботам в солдатском клубе устраивали танцы. Солдат было много, а девчонок — «раз, два и обчелся». Немки приходили очень редко, в основном были наши, которые служили или работали по контракту. Среди сидящих в зале он заметил одну особу, которая толи дремала, толи просто была меланхоличная, ни на кого не смотрела и не разговаривала. Он попробовал пригласить ее на танец, но она не отреагировала. Ему стало обидно, что такого красивого и здорового парня, как он не замечают. С танцплощадки пошел в кинозал, в десятый раз посмотреть американскую кинокомедию. Потом отправился в свою роту, хотел написать письмо родным. Около казармы к нему подошел знакомый солдат и заговорщицким тоном тихо сказал: «Хочешь развлечься с женщиной?» Он кивнул головой. Пошли в каптерку, где перед ним предстала пикантная картина: на мешках с бельем лежала обнаженная пьяная девица. Ноги ее были разбросаны, и она приглашала «подарить ей любовь». Это была девица из клуба. Глядя на ее фигуру и прыщавую кожу, ему стало противно, и он ушел. Среди солдат нашлись любители «свободной любви», которые на проверке перед сном хвастались своей «мужской силой». Утром следующего дня пять человек отправились в госпиталь лечиться от венерического заболевания. Самое интересное, что эту девицу никто не приглашал в клуб на танцы. Откуда она взялась и куда, потом делась? Осталось

под завесой тайны.

Этот случай его сильно напугал. Подцепить от женщины венерическое заболевание, а потом лечиться, не очень хотелось! В его жизни уже были неприятности с девушками. Хотел жениться на своей школьной подруге, дружили с пятого класса. Перед свадьбой не вовремя посетил ее и увидел, как она развлекается с другим парнем. Пришлось расстаться. После этого случая, к женщинам стал относиться очень и очень осторожно.

Сна все не было, а воспоминания текли, как вода в ручье.

После Армии вернулся домой. Сестра успела выйти замуж и окончить первый курс юридического института. Жила у своего мужа. Его мать в одиночестве «прозябала» в двухкомнатной квартире. После его появления она часто намекала сыну, что пора жениться. На эти намеки он либо отшучивался, либо говорил, что хочет сначала окончить институт – не век же ему слесарить в мастерской? Она с ним соглашалась.

Любил он вечерами валяться на старом продавленном диване и читать книги по истории: «Древний мир», «Средневековье» и т.д. Литературные сюжеты из этих периодов, питали его фантазию, ему хотелось все знать о этих временах. Он сдал документы на исторический факультет местного педагогического института. Но на первом же экзамене потерпел фиаско – провалился. Конкурс был слишком большой. Его родная тетка посоветовала поехать в Ленинград и там поступить в институт. Эта мысль ему понравилась. Через де-

сять дней он вместе с теткой был в Ленинграде. В институте сказали, что прием документов закончен, но можно попробовать поступить на факультет начальных классов, там нехватка студентов. Немного подумав, он согласился. Сдав экзамены на одни тройки, он был зачислен на первый курс педагогического института, заочного отделения.

Как прошли эти шесть лет – он не заметил! Учился усердно, но работать в школе не стремился. На третьем курсе попытался узнать, что представляет собой работа с детьми. Не выдержал и трех месяцев – сбежал! Да, учителем он не родился!

Он любил спокойную, размеренную жизнь. Жить одному, читать книги, а может и самому, если получится что-нибудь написать. Особенно нравилось листать книги по философии, эстетике, истории, политэкономии, но на их изучение не хватило времени и терпения. Само же нахождение этих книг рядом создавало особую «научную ауру», которая питала его внутреннее состояние.

После поступления в институт он ушел из мастерской перестал слесарить, сменил несколько школьных профессий, от пионервожатого до учителя. Пробовал работать в музее, в библиотеке, но, увы, нигде не задерживался. И тут снова родная тетка дала умный совет. А не организовать ли ему свое дело? Работать сколько пожелаешь, зарабатывать сколько сможешь!

Тетка работала на строительной базе главным бухгалте-

ром. Через нее проходили все строительные материалы, которые приходили в республику, и она их распределяла по разным организациям и частным лицам. Вот она и предложила ему возглавить «дочернее» предприятие по продаже строительных материалов. Они будут продавать материал дешевле, чем в магазинах, без больших наценок, об этом она позаботится сама. Эта идея ему понравилась.

На окраине города организовали небольшую строительную базу. Он был руководителем «с печатью и портфелем», а тетка незаметно присутствовала в его тени. Все шло хорошо. Теткина реклама сделала свое дело. Народ получил строительные материалы для домов, гаражей и дач. Так продолжалось около двух лет. Его производство встало на ноги. Он построил склад для хранения товара, офис, купил грузовой и легковой автомобили. Почувствовав в себе искру бизнесмена, стал договариваться о расширении своего производства путем приобретения двух магазинов для сбыта продукции.

Все перечеркнули девяностые годы. Перестройка! Сколько бед она принесла народу! Богатые становились богаче, а бедные еще беднее! В стране возникли две силы. Одна за удержание власти, другая за новые дележ страны. Массовые беспорядки произошли в Душанбе в феврале 1990 года. Начались, как и всегда на межнациональной почве. Фактически они стали прелюдией к гражданской войне, начавшейся два года спустя.

Предысторией конфликта стали массовые армянские по-

громы в Баку. Несколько армянских семей бежали к своим родственникам в Душанбе. Вскоре распространились провокационные слухи, что 5000 армянских беженцев из Азербайджана переселились в Душанбе и им распределяются квартиры в новостройках, а в это время был острый дефицит жилья. Позже выяснилось, что это только провокационные слухи. Одиннадцатого февраля возле здания ЦК КП собралось более четырех тысяч человек. У них был один лозунг «Долой Армян!» На другой день появился и другой «Долой Махкамова!» (первого секретаря ЦК КП Таджикистана). Демонстранты ворвались в здание и подожгли его. К вечеру в ответ на открытие огня милицией холостыми патронами, начались поджоги ларьков, погромы магазинов. Тринадцатого февраля в Душанбе прекратили работу городской и междугородний транспорт, институты, школы, магазины и предприятия. Беспорядки переросли в погромы улиц и кварталов города, сопровождалась массовым насилием и убийством русскоязычного населения. Мирные жители столицы, при полном отсутствии помощи со стороны властей и правоохранительных органов, спасали себя сами. Создавали отряды самообороны, которые охраняли от погромщиков входы в подъезды.

В таких условиях весь его бизнес быстро пришел в упадок. Пришлось думать, как спасти свою жизнь и жизнь близких. Он быстро продал свое предприятие и с семьей тетки бежал в Ленинград. Мать и сестра еще пытались удержаться

в Душанбе, хотели сохранить свои квартиры. Но после зверских убийств нескольких знакомых, все бросили и убежали в Россию.

Через год, порядок был наведен. Народные массы успокоились, поверив обещаниям верхов. Когда он приехал в Душанбе, в его квартире проживала таджикская семья, которая выплатила небольшую сумму за квартиру. Больше здесь ничего не удерживало, родных и знакомых не осталось, разбежались кто куда.

Вернулся в Ленинград, купил комнату в коммуналке до-революционного дома. Работу искать долго не пришлось, устроился охранником на небольшом производстве. Спасибо тетке и ее дочке – помогли в первое время. Они жили в другом районе, но каждый месяц встречались с ним.

Мать с сестрой устроились под Москвой, переписывались редко, а насчет встречи и вообще разговоров не было, поссорились из-за каких-то житейских мелочей. Только тетку и ее семью, он считал своими близкими родными. На счет личной жизни никаких изменений не было. Три года прожил один, сторонясь людей женского пола, относился к ним недоверчиво, боялся, что обманным путем пропишутся у него в комнате, а потом выкинут на улицу и сделают бомжем. Это был самый большой страх – остаться без всего и сидеть с котомкой где-нибудь в метро.

Страх... страхом, но однажды знакомство с женщиной у него состоялось. Сидя во дворе, ждал приятеля по дому, ря-

дом в песочнице молодая мама занималась маленьким ребенком. Молодая женщина несколько раз внимательно посмотрела в его сторону, но он, боясь шапочного знакомства, старался не замечать этого. Скоро появился его приятель, который знал эту женщину. Разговаривая с ним, перебрасывался фразами с молодой мамашей и заодно познакомил их.

Встречаться они стали не сразу. Где-то, через месяц увиделись во дворе, и он завел какой-то пустой разговор. Узнав, что она работает в музее, напросился на экскурсию. Так они познакомились ближе. Он узнал, что эта молодая, красивая женщина, пять лет назад овдовела. Живет с матерью и сыном в небольшой комнате. Ее мать, развелась с мужем еще лет двадцать назад, любила веселые компании, часто выпивала. С дочкой у нее были натянутые отношения, жилплощадь маленькая, о размене говорить не приходилось. Вот так и мучились эти две одинокие женщины! Этой молодой вдове хотелось замуж, иметь настоящую семью, но ребенок и маленькая жилплощадь, отпугивали потенциальных женихов.

Ему не хотелось впускать в свою спокойную, размеренную жизнь людей со стороны; он предложил молодой женщине иметь с ним только сексуальные отношения, а о совместной жизни пока не думать. Она согласилась! В ней, наверно, теплилась надежда, что со временем их отношения перерастут в теплые, семейные. Но, увы, этого не произошло! Прожив с ней пятнадцать лет и заставив ее сделать три аборта, он никак не хотел обременять себя семейными узами. Даже сло-

ва «муж» и «папа» были для него, наподобие ругательских. Одиночество и полная свобода во всем и от всех – это главное, что держало его на плаву в этой жизни. О будущем он не заботился, полностью доверял тетке и ее дочке. Комнату и кое-какие сбережения оформил на их имя, а сейчас он просто жил!

В возрасте шестидесяти лет с ним случился инфаркт. Мужик крепкий – выкарабкался! Да, потерял здоровье, в основном, из-за событий в девяностые годы. Один переезд чего стоил! Около вокзала в Душанбе, он сам видел, как банда вооруженных людей застрелила русского мужика, который пытался защитить свою жену. Да, нет жены – нет неприятностей!

Он, то стоял около окна и рассматривал серо-черную массу, которую называют туманом; то лежал в холодной постели, шарил глазами по темному потолку и вспоминал, как хорошо протекала его жизнь до девяностых. Теплый климат Душанбе, он никогда бы не променял на суровое существование в этой северной столице. Конечно, неплохо пожить в Ленинграде летом в июне, походить по музеям. Не более! А вот пришлось здесь обосноваться и возврата к старой жизни – нет! Эти мысли мелькали в голове почти каждую ночь. Он хорошо знал, что пролежав до трех-четырёх утра, окажется в каком-то бессознательном состоянии, которое называется дремотой. Резкий звонок будильника вырвет его в семь часов из этого дурманного болота. Он подойдет к зеркалу, и

будет пять минут, скрести электробритвой по опухшим щекам, смотреть на свое одутловатое лицо и удивляться, куда делась та юная свежесть, которая привлекала к нему взгляды женщин, где стройность тела, черная «смоль» волос? Все сожрало это проклятое время, особенно девяностые годы.

После всех испытаний, которые ему пришлось преодолеть, он стал философом и даже пытался писать о своих наблюдениях и попытках перестроить современное общество. Свои философские изыскания пытался пристроить в какой-нибудь журнал, но видимо таких теоретиков-перестройщиков было много и их трудами не интересовались. Ему всегда вежливо отказывали.

Пока брился, в голове мелькали еще какие-то идеи, потом все переходило в суматошный день, который как песочные часы, переливался в бессонную, холодную, долгую ночь, где все повторялось без малейших изменений.

Бомж

Жизнь сложная штука! И относиться к ней надо аккуратно и осторожно, иначе она заведет в непроходимые лабиринты, где можно или просто сгинуть или проклясть себя за то, что появился на свет. Это подтвердил один случай!

В метро, где много народа мелькает у тебя перед глазами, не замечаешь отдельных людей, которые пристально за тобой наблюдают. Один такой, по виду бомж, попался на моем пути несколько раз, но я не обращал на него внимания. Мало ли бомжей в метро?! Ну не повезло в жизни, на что-то надеялся, а вместо выигрыша получил проигрыш и оказался «за бортом».

Однажды, проходя в толпе вечно спешащих куда-то людей, услышал громкий окрик: «Орел привет!» Я не поверив, что это относится ко мне, продолжал двигаться вместе с толпой, но какой-то внутренний голос подсказал посмотреть назад. Повернув голову, встретился взглядом, с каким-то бомжем, сидящим на скамейке и махавшим рукой. Вспомнив, что и раньше видел этого человека, я замедлил шаг, а потом резко повернул в его сторону, едва не сбив толстую даму в очках.

Бомж - высокий, сухощавый мужчина, примерно моего возраста с оплывшим лицом, протянул мне руку и дружески улыбаясь, сказал: «Здорово Орел, приглядишь внима-

тельно... я – Санька, вместе служили в вертолетном полку в первой эскадрильи, ты был «праваком» в первом звене, а я во втором. Вместе были в Афганистане, служили в Джелалабаде; я еще всегда доставал спирт, ходили «трахаться» к медсестрам. Ну, вспомнил?»

Я стоял, как вкопанный, память прошлого прожгла меня насквозь: потерей друзей, жаркими днями и ночами, неразбавленным спиртом, обжигающим горло, запахом надоевшей мясной тушенки и самим видом Сани – пилота, так похожего на меня и внешним видом и даже походкой. Конечно, я его узнал, время и невзгоды сделали свое подлое дело – украли у человека и молодость, и здоровье. Только серые глаза с веселой искоркой, подсказывали, что человек еще жив и надеется на что-то. Его левая нога неестественно прямая, как палка, лежала в проходе и мешала прохожим, задевавшим ее сумками. Одежда похожая на лыжный комбинезон с серой курткой, сидела на нем плотно и вырисовывала крепкое телосложение. Только рукава и брючины были сильно замусолены и немного рваные, серо-зеленый рюкзак лежал рядом с вытянутой ногой. Я протянул руку, цепкое пожатие подтвердило, что есть еще «порох в пороховнице».

Присев рядом я честно сказал, что узнал его не сразу.

- Ничего удивительного, я бомжую около года, сильно изменился, сам себя в зеркало плохо узнаю.

- Так, что же с тобой случилось? Ты что проигрался или влез в какую-то авантюру?

Санька почесал грязной ладонью плохо выбритую щеку, посмотрел куда-то в сторону, помолчал и вымолвил: «Слушай, расскажу всю свою жизнь от Афганистана до сегодняшнего дня. Никому никогда не рассказывал; и стыдно и обидно, но от судьбы не уйдешь!» Потом Санька бывший красавец-летчик, рассказал историю своей жизни. Передо мной, как в кинофильме замелькали образы прошедшего.

Когда меня подбили, то вместе с останками командира и бортмеханика привезли на аэродром. Санька в это время сидел в дежурном вертолете и готовился взлететь на задание. Узнав о случившемся, он попросил командира посмотреть на меня, но тот категорически отказал, сказав, что все погибли и если будет желание, после задания можно будет попрощаться в морге медсанбата.

Через два часа Санька был у врачей, где ему сказали, что двое погибли, а один – «правак» выжил, но находится в тяжелом состоянии и его отправили в госпиталь, надежд на выздоровление мало, так как много тяжелых переломов. Вечером того же дня Санька не выпил, как обычно со мной, а «нажрался» до такой степени, что сослуживцы привязали его простынями к кровати, опасаясь больших неприятностей.

Все! Больше обо мне он ничего не слышал.

Санькина боевая жизнь оборвалась через месяц. После выполнения обычного задания его вертолет у земли был обстрелян «духами». Командир и борттех не пострадали, а ему пулей из «Бура», как топором, отсекло ногу ниже колена.

Сначала его отправили в госпиталь Кабула, через неделю перевезли в Россию. Так он стал инвалидом.

Почти год лечился в госпитале и санатории. Жена с ребенком один раз приехала, посидела около него, поплакала и исчезла. Через месяц прислала документы на развод, сославшись на то, что не может жить с калекой, от алиментов отказалась.

Санька был красивым, видным мужиком, в госпитале познакомился с одной из женщин, муж которой скончался от тяжелых ран. Знакомство переросло в тесную дружбу, которая закончилась браком. Женщина была из Питера, куда и переманила бывшего летчика.

Из однокомнатной квартиры, где она жила с ребенком от первого брака, Санька благодаря своим военным льготам и природной изворотливости, сумел сделать трехкомнатную. Через два года жена родила мальчика.

Гражданская жизнь стала налаживаться. У него было высшее техническое образование, благодаря тем же льготам он хорошо устроился в научно-исследовательском институте. В свободное время занимался садоводством на небольшом участке, за пять лет сделал из него «сказочную мечту». Постепенно, по своим чертежам, соорудил двухэтажный «дворец».

Кроме занятий на садовом участке, Санька уделял время Союзу афганцев и Союзу офицеров, где был на руководящих общественных должностях. Все было хорошо, детей вырос-

тил, с женой жил «душа в душу». Но в двухтысячном году все потерял по своей старческой глупости – увлекся молоденькой особой, недавно разведенной. Жена сначала постаралась вразумить его, но потом согласилась на развод с разделом имущества.

После раздела Саньке досталась комната в коммуналке и кое-что из вещей. «Молодая» увидев его нищим – бросила. Житейскую трагедию помогли забыть друзья-однополчане. С работы попросили уйти за пьянку и прогулы, но это было не самое страшное, оставалась еще военная пенсия.

Стало подводить здоровье, сердце и печень напоминали о возрасте.

Бывший летчик решил изменить свою жизнь к лучшему – забросил дурные привычки, подлечился, устроился на новую работу. Сумел комнату в коммуналке обменять на отдельную квартиру. С женой и детьми связи не терял и по праздникам с вином и тортиком встречался с бывшей семьей.

Время шло, дети росли. Девочка от первого брака постепенно превратилась в красивую девушку и вышла замуж. Молодая семья около года снимала углы, наконец, переехала на постоянное место жительства в мамину двухкомнатную квартиру. Там они заняли маленькую комнату, а большую поделили между собой мать с братом. Через несколько лет женился и сын, история повторилась; молодая семья жила отдельно, потом наступили финансовые трудности, и мать приютила их в своей комнате.

Санька знал о мытарствах молодых семей, но помочь не мог, сам был нищим. К тому же в душе была обида на детей, которые не захотели пригласить на свадьбу. Вместо него на всех свадебных фотографиях был «хахаль» жены.

В молодых семьях появились дети. Саньку стали приглашать заниматься с детьми, соседи часто видели его с коляской, иногда с двумя. Постепенно дети стали намекать, что не мешало бы поделиться своим жильем; он сначала отмалчивался, а потом решил разменять свою однокомнатную квартиру на две комнаты, одну из которых, собирался отдать сыну. Мысль была хороша, но бегать и искать обмен на протезе, было трудно. Сын взялся сам подобрать подходящие варианты. Через месяц нашел: одну комнату в центре Питера, двадцать четыре метра в трехкомнатной квартире и отдельную квартиру в пригороде в деревянном доме послевоенной постройки с минимальными удобствами.

Сын просил уступить ему комнату в Питере. Что не сделаешь ради любимого чада?! И Санька согласился на этот вариант, собираясь в будущем продать дачу и купить в Питере подходящее жилье. Он доверился сыну и подмахнул документы в Горжилобмене.

Оказавшись у нового места жительства, был шокирован. Перед ним стоял старый, полуразвалившийся деревянный барак с разбитыми окнами и заколоченными дверями. Из восьми квартир этого дома только две были обитаемы. В одной квартире жила древняя старуха, в другой пьяная моло-

духа, около которой вертелась сомнительная компания.

Двери в его квартиру были сломаны, и все жильё напоминало ободранный сарай, куда бросали сломанные вещи, а по углам устраивали бесплатные туалеты. Сначала Санька хотел идти к сыну и аннулировать этот обмен, но потом возникло неприятное чувство ненависти ко всем своим детям и женам, которые на старости лет вышвырнули калеку отца на улицу, как какой-то ненужный предмет. «Ладно, где наша не пропадала! Как-нибудь выберусь из этой передраги!» - сказал он себе.

Первое, что Санька сделал – это крепкую дверь и хороший косметический ремонт. Сходил в жилищную контору, заставил прийти мастера для ремонта крыши и починки входной двери в подъезде. Небольшой сарайчик во дворе заполнил дровами. Вечерами сидя у горячей печи, он обдумывал план обмена или продажи своего жилья. Со временем, постепенно стал привыкать к новой жизни. Иногда, даже стало казаться, что он неплохо устроился: тишина, свежий воздух, никакой суеты. Рядом находился небольшой магазин. Только одно раздражало – частые пьяные оргии у соседки. Крики, пение, ругань и драки у его дверей, были обычным явлением.

Санька предупредил женщину, что вызовет участкового. На месяц все стихло, но потом повторилось с новой силой. Участковый – старый капитан, пришел на другой день в самый разгар пьяного разгула, составил акт и предупредил, что если дебош повторится, то он доведет дело до суда; Саньке

намекнул, что с этой компанией знаком и ему лучше с ними не связываться, а потихоньку сменить место жительства.

Вскоре появился знакомый из деревни, желающий купить жилье рядом с городом. Стали оформлять документы, но это требовало времени. Попутно продал свое садоводство сослуживцу. Полученные деньги Санька сначала таскал с собой, потом решил положить в Сбербанк, но ему не понравился процент прироста вклада, а рядом висел агитационный щит призывающий отдавать свои сбережения под большой процент в новый частный банк. И наш «бизнесмен» решил положить деньги под большой процент на шесть месяцев. Правда, в душе чувствовал какую-то тоскливую ноту, говорившую, что он поторопился, и могут быть неприятности.

В ожидании оформления документов приходилось продолжать жизнь с шумными соседями. После очередного скандала пришлось вызвать полицию, дело передали в суд и все участники пьяной компании получили большие штрафы.

Саньке стали угрожать расправой. Особенно его возненавидел любовник соседки по кличке Жердьяй, тот прямо сказал, что сделает его бомжем. Санька посмеялся и сказал: «Стану бомжем, тебя похороню на нашей помойке!»

С обменом все шло нормально, документы были готовы, и нужно было идти в обменное бюро. Возвращаясь вечером домой, он увидел поднимающийся в небо дым. «Кому-то не повезло! Пожар!» - подумал наш вояка. Какое-то нехорошее предчувствие шевельнулось в груди. Маршрутка, в которой

он возвращался, все ближе приближалась к этому столбу дыма. Еще поворот и перед глазами открылась жуткая картина: вместо двухэтажного дома, в котором он жил, была куча черного дымящегося мусора. Что Саня пережил в эти минуты!? – известно только ему одному.

Потерять крышу над головой и не знать, как устроиться в дальнейшем одинокому мужику – сюжет для рассказа с трагическим концом. Раньше была дача, но сейчас ее нет, еще деньги хранятся в банке; есть надежда, что жизнь устроиться.

Рядом охали две старухи, оплакивая жилье их приятельницы, которая тоже осталась без дома и вещей, и все из-за пьяницы Жердяя.

«Значит, Жердяй исполнил свое обещание и сжег дом! И мне надо исполнить обещанное ему – изуродовать гада!» – решил Санька.

Свое прозвище Жердяй получил из-за длинной, нескладной фигуры. Он жил недалеко от своей любовницы, рядом с магазином в полуразвалившемся доме. Всегда пьяный и горластый Жердяй часто попадал в разные потасовки в своем районе.

Свидетелей поджога не нашли и оформили случившееся, как пожар из-за неисправной электропроводки. Погорельцы разошлись по знакомым и друзьям, а Санька поехал в город и временно устроился в небольшом помещении, где проходили офицерские собрания. Мысли о расправе с Жердяем

приходили все чаще и он, обдумав план мести, отправился к своему обидчику.

Наказать поджигателя Саня решил жестоко – переломать все кости, но не убивать! Вечером он спрятался в кустах Си-рени около дома Жердяя, при нем было и орудие мщения – металлическая труба. Прождал в кустах около часа, наконец, появилась длинная шатающаяся фигура пьяного обидчика. Пропустив его вперед, Санька вышел из кустов и жестко ударил палкой по правому плечу. Противник, не охнув, кулем повалился к его ногам. Всю свою злость и ненависть к ненавистному пьянице, вложил наш вояка в свои удары; молча и мастеровито бил по правой стороне тела и конечностям; голову и левую сторону не трогал, боясь случайного убийства. Закончив кровавое дело, Санька незаметно растворился в темноте слабоосвещенной улицы.

Через два дня он вернулся на свое пепелище и узнал от соседей, что Жердяя сбила машина, и он с многочисленными переломами находится в больнице. Такое объяснение событий устраивало нашего героя.

Как погорельцу, ему предложили оформить документы в жилищной конторе на финансовую помощь и постановку на учет для получения нового жилья. Предупредили, что ждать придется около года, так как свободных помещений у них нет.

Уже поздно вечером Санька добрался до банка, на дверях которого было вывешено объявление о временном закры-

тии ввиду технических неисправностей здания. Прочитав такую сумбурную вывеску, Санька почувствовал страх, который холодным, липким потом сковал все его тело. «Неужели банк прогорел? И все мои деньги с надеждами на будущее, улетучились кому-то в толстый карман?» – такие неприятные мысли, как удары пульса преследовали его пока он ехал в город.

На другой день, утром он снова был около банка, у закрытых дверей собралось пять человек. Одна из женщин рыдая, рассказывала понурому мужику о пропаже всех сбережений. Санька не хотел верить в такой жестокий поворот судьбы, но делать нечего, жаловаться и писать заявление в суд – пустое занятие! К часу дня около прогоревшего банка собралось пятнадцать человек; поплакали, посудачили и пошли в сторону здания милиции и суда, где оформили документы о пропаже-краже своих кровных сбережений; сообщили свои адреса и стали ждать решения проблемы.

До этого события Санька читал в газетах о «лопающихся банках», о пропаже денег вкладчиков, но чтобы это произошло с ним! - не мог представить.

Понадобилось несколько дней на выяснение результатов случившегося. Результаты были не радостные – его грубо обокрали! Теперь Санька имел пенсию, две сумки с пожитками и четыре дороги по сторонам света. Приятели посоветовали обратиться в Собес, для устройства в дом ветеранов. Идея была неплохая, но там его ждало тоже разочарование,

мест нет! Могут поставить на очередь, но когда она подойдет – одному Богу известно! У Саньки и оставалась надежда только на Бога и на себя.

Ему помогли получить работу ночным сторожем на стройке, там предоставили койку-нары в вагончике. Такую работу нельзя было назвать тяжелой, но сидеть на одном месте, как собаке в будке, было скучным занятием. В свободные минуты Санька любил посещать метро; мелькание незнакомых лиц и фигур отвлекало его от настоящей жизни. Все куда-то торопились, а он лениво наблюдал за этой ненужной людской спешкой. В нем просыпался философ, в голове бродили мысли о никчемности человеческого существования. Несколько раз он пытался завести разговор на эту тему с соседями по скамейке, но его не понимали, отворачивались или просто вставали и уходили.

Один раз по дороге в метро он увидел объявление, предлагающее не дорого отдохнуть в гостинице. Эта гостиница находилась в бывшем студенческом общежитии. Открыв входную дверь, Санька уперся грудью в прилавок, за которым высилась мощная фигура цыгана.

- Что вы хотите? – услышал он грубый голос.
- Хотел бы остановиться у вас на двое - трое суток.
- Паспорт! Читайте наши правила общежития!

Пока Санька углублялся в написанное, дежурный, вернее хозяин заведения, делал записи в толстом журнале. Позвав дежурную, он передал Саню в ее руки, сказав номер комна-

ты, и хотел было заняться своими делами, как увидел хромающую походку нового жильца.

- Что с ногой? Инвалид?

- Да, ноги нет!

Хозяин о чет-то быстро заговорил с женщиной. Потом сам взял вещи постояльца и подозрительно ласковым голосом стал описывать достоинства своей гостиницы; открыл дверь чистой комнаты с тремя кроватями. После суеты, передряг последних дней и ночей Саня провалился в тяжелый сон, в полу-беспамятстве он чувствовал присутствие каких-то людей, копошащихся в его вещах.

Проснулся он внезапно от пристального взгляда, яркая лампочка резала глаза, на соседней койке сидел мужчина лет сорока, чисто выбритый и почему-то в солдатской форме. Рук у мужчины не было, и рукава гимнастерки бессильно болтались внизу.

- Ты что новенький? С какого вокзала тебя привезли? Что тебе пообещал этот цыган? - безразличный, хриплый голос раздавался спокойным тоном, без видимого любопытства.

Саня лежал, слушал и не понимал о чем идет речь, сон еще дремал в его усталом теле. Постепенно картина стала проясняться, и он сообразил, что попал в притон калек, которые в метро и на улицах города клянчат деньги для своего хозяина. «Вот это влип в историю, надо отсюда выбираться и как можно скорее!»

Прощупав рукой в одежде глубоко убранные документы,

он спокойно заговорил о жизни постояльцев. Через десять минут он узнал всю историю этой гостиницы. Вывеска – это просто ширма, за которой скрывается «нищенское дно». Хозяин – цыган, со своими помощниками зазывает с вокзалов калек и заставляет их работать на себя, прося милостыню. Поначалу он платит процент с собранных денег, а потом загоняет в «кабалу» и калеки работают на него только за еду и крышу над головой. Выхода отсюда нет! Документы, если они есть, цыган не отдает, а прячет в своем сейфе. Попавшие сюда люди оказываются на положении рабов. Такая перспектива жизни Саню не устраивала, и он решил, не поднимая шум вырваться из этой западни.

Утром он подошел к хозяину гостиницы, поблагодарил за ночлег, заплатил за сутки, сказав, что его ждут дела и надо идти. Цыган открыл свой сейф, долго рылся в бумагах, а потом, стукнув себя по лбу, сказал, что документы и паспорта жильцов вечером отнес в милицию на временную прописку, туда, видимо, попали и его документы. Саня не растерялся и спросил: «Где находится здание милиции?» Ему неохотно рассказали, как туда пройти.

В милиции с интересом выслушали его рассказ о гостинице и паспортах. Дежурный капитан сказал, что они давно наблюдают за этим притоном, но пока ничего сделать не могут; гостиница зарегистрирована официально и насильно там, по их сведениям, никого не удерживают; паспорт получить помогут. Дежурный отправил милиционера вместе с Санькой

вытребовать документы. В гостинице никого не оказалось, кроме одной женщины. Она сказала, что хозяйина срочно куда-то вызвали, и он придет только к вечеру. В десять часов вечера Санька с милиционером снова пришел к хозяину гостиницы. Увидев блюстителя порядка, цыган открыл сейф и достал долгожданный паспорт, сказав, что тот завалился за папки. Настойчивость спасла моего приятеля от возможных будущих бед.

В метро у Саньки произошла неприятная встреча с бывшими соседями по сгоревшему дому. К нему подошли двое приятелей Жердяя и с кривыми улыбками стали хвастать, что Жердяй исполнил свое обещание сделать его бомжем. Правда потом, с сожалением сообщили, что ему не повезло, около дама сбила машина. Потом, помолчали и тихо сообщили, что не все верят в историю с машиной, некоторые говорят, что Жердяя подстерегли и избили. Саня, сделав вид, что его эта история мало интересует, смотрел в сторону на прохожих и молчал. Больше ничего не добившись, двое приятелей растворились в толпе.

Около часа я сидел на скамейке в метро с бывшим летчиком, приятелем моей молодости, слушал его неторопливую речь и думал о жизни и своей, и его. В молодости у нас было так много радостных надежд, а в старости остались одни болезни, несчастья и несправедливость. Вырваться из этого страшного окружения практически невозможно.

Я предложил Сане пожить у меня на даче под Новгородом,

недалеко от Валдая, но он отказался, сославшись, что ему нужно быть в городе и ходить по разным инстанциям. Еще теплится надежда, что он получит новое жилье или устроится в Дом ветеранов. Я оставил ему свой телефон, сказав: «Звони! Не пропадай!» И отправился по своим делам. Больше мы не встречались, звонков от него не было, из метро он исчез.

Гоша и Кеша

Гоша и Кеша – это два великовозрастных балбеса, с которыми я был знаком довольно долгое время. Оба они, как попугаи-неразлучники всегда были вместе. Спроси Гошу – рядом Кеша. Увидишь Кешу – за ним стоит Гоша.

Познакомился я с ним, через одного приятеля-автомобилиста, когда моя машина надолго застряла в гараже из-за какой-то детали. В восьмидесятые годы трудно было иметь авто, если у тебя не было знакомых в магазине, на рынке или в мастерской по ремонту машин. Вот и приходилось заводить всяких сомнительных друзей.

Гоша и Кеша, как раз и были такими сомнительными знакомыми. Работали они в магазине запчастей и комиссионке в Апраксином дворе города Ленинграда. Этот магазин славился тем, что там можно было достать, почти все, что угодно твоей душе, только надо было иметь «ключик». Этим «ключиком» для меня и были Гоша и Кеша. Вместе с ними я распивал водку на заднем дворе, сдувал пену с кислого пива в пивной, угощался Воблой или другим рыбными деликатесами. И все ради своей любимой машины.

Кеша и Гоша работали в этих магазинах не продавцами, а так - мальчиками на побегушках. Нужен был сторож – они, грузчик – тоже они, убрать помещение – всегда, пожалуйста! За эту работу друзья получали небольшие деньги от дирек-

тора магазина и большие чаевые, и разные переплаты от любителей авто и меломанов. Этих двух балбесов, знал наверно весь город, как ловких «доставал». Иногда, правда, они могли и обмануть, подсунув ненужную вещь, но с этим приходилось мириться и взывать к их человечности. Кредо их жизни было простое: «достать» нужную вещь через продавцов или сдатчиков в комиссионном, содрать как можно больше денег с покупателей и... пропить! Они не думали о сегодняшнем и завтрашнем дне. Время для них растягивалось в какой-то веселый, танцующий круг из которого они никогда не выходили. Утром, опохмелившись теплым пивом у знакомой буфетчицы, шли на свой дневной заработок. Вечером, пересчитав заработанные правдой и неправдой деньги, пропивали все в ближайшем кабаке.

О себе Гоша и Кеша рассказывали довольно охотно, когда их мозг туманился от выпитого вина. Их жизнь в советское время такая же, как у многих из нас. Они жили на Московском проспекте в одном пятиэтажном доме, только в разных подъездах. Их матери получили по комнате в коммуналке еще в далекие 50-е годы, а в Ленинграде они оказались по найму рабочей силы. Приехали из глубинки строить послевоенный «Город-герой». Большинство жителей Ленинграда вымерли в войну. Вот и нужен был приток новой силы. Своих отцов мальчишки никогда не видели и с завистью смотрели на сверстников, которые шли за ручку со своими родителями.

Мать Гоши про отца вообще никогда не говорила, но ребенок твердо знал, что его нашли в «капусте» бабушкиного огорода. На вопрос: «Кто нашел?» - отвечали: «Бабушкин козел! У тебя, как у него, густые вьющиеся волосы».

Ребенок, посмотрев на себя в зеркало, быстро со всем этим соглашался и во дворе получил свою пожизненную кличку – «Козел»!

Про свою родословную Кеша рассказывал дворовым друзьям азартно, что его отец был знаменитый военный моряк, награжденный многими медалями. После войны он разминировал воды Балтийского моря и погиб смертью героя. Так научила его мать, показывая фотографию молодого человека в морской форме.

Во дворе рассказам Кешки долго верили, потому что в его одежде часто появлялись элементы морской формы: то бескозырка, то ремень. И ребята дали ему гордую кличку – «Моряк».

Эти два паренька вместе ходили в детский сад, прошли там все возрастные группы. Вместе пошли в первый класс и оказались в одном классе и даже за одной партой.

Так как они оба были небольшого роста, худенькие и слабые, то всегда старались держаться вместе и в школьных потасовках помогать друг другу.

В третьем классе приятели достаточно осмелели и в школьном буфете отбирали деньги или сладости у более слабых ребят. Их матерей часто вызывали учителя, но те только

тихо плакали и все сваливали на безотцовщину. Дома, провинившегося Кешу, мать лишала сладкого на неделю и не давала денег на воскресное кино.

С Гошей дела шли похуже: его мать просила своего соседа, одноногого инвалида дядю Колю, выпороть своего сына. Тот, за пару рюмок водки, охотно выполнял свою мужскую работу. Дядя Коля, при матери, ловко зажимал между своих ног голову ребенка и без злобы, несколько раз широким офицерским ремнем «прохаживался» по тощей заднице. Гоша орал диким голосом и после такой экзекуции, дней десять был тихим и примерным сыном.

В школе друзья ничем не выделялись с хорошей стороны, если что-нибудь пропадало, то в первую очередь проверяли портфели и карманы наших двух приятелей. Единственное, где их замечали, это на уроках рисования. Они с таким азартом выполняли свои рисунки, что все окружающие считали их будущими художниками. Особенно, любили пред Новым годом, рисовать дедов Морозов и Снегурочек. Как сядут в зимний вечер за стол, так и не выходят, пока листов двадцать не будет изрисовано. Их родители, видя такое упорство в рисовании, отвели детей в дом пионеров, но, увы, через неделю их оттуда выгнали с позором за воровство.

По стальным школьным предметам они не блистали, тройки были основными оценками. Так Гоша и Кеша не спеша, переходили из класса в класс. В дворовой компании их дела шли гораздо лучше. Там приятели были яркими лич-

ностями. Сами по себе, они, конечно, ничего не представляли, но их «друг» - здоровый Колька из соседнего подъезда, сидевший в каждом классе по три года, был им крепкою защитой. Этот Колька давно состоял на учете в милиции, чем очень гордился и во всех хулиганских потасовках, был в первых рядах. Гоша и Кеша, при нем были на побегушках, что скажет главарь, то они и делали. Роль «шестерок» им очень нравилась, так как они от этого много имели. Все ребята из их двора и соседних, с некоторым страхом смотрели на них – друзья были под защитой самого Кольки.

Но быть «наверху» им долго не пришлось: хулигана Кольку посадили за ограбление какой-то старушки. Он выследил беспомощную женщину, ворвался к ней в квартиру, саму хозяйку запер в туалете, забрал все ценное и убежал. Не успел потратить ворованные деньги, как за ним пришла милиция и Колька сел на два года.

Гоша и Кеша, первое время, были растеряны, но ненадолго. Вскоре у них появился новый покровитель – Витька по кличке «Артист». Не высокого роста, красивый, хорошо одетый, не глупый парень. Он не обладал физической мощью Кольки, но его знакомства в «блатном» мире, были на высоте. Он тоже состоял на учете в милиции, но был так хитер, что докопаться до его делишек, было практически невозможно. Вроде бы он был при воровстве или ограблении, а вроде бы и нет. Не было свидетелей, а если и были, то давали путанные показания.

Знакомство их произошло на зимнем катке, где Витька – «Артист» был своего рода хозяином и мог расправиться с любым нежелательным парнем. Он хорошо знал Кольку и через него познакомился с Гошей и Кешей.

Наконец приятели закончили восемь классов школы. Куда идти учиться? - они знали: профессионально-техническое училище по специальности слесарь по ремонту авто-техники. Многие знакомые учились там и хорошо зарабатывали после окончания училища. Во время учебы друзья были незаметными троечниками. Но сокурсники их уважали и даже побаивались. Особенно после потасовки в буфете, где ребята старших курсов не уступили им место за столом. Через пару дней Гоша и Кеша привели человек двадцать дворовых хулиганов и устроили настоящее побоище у ворот училища. Только милиция смогла успокоить эту бушующую толпу.

Через три года они получили желаемые корочки, свидетельствующие об окончании училища, и были устроены в автомастерскую. Но надежды на большие заработки провалились. Работа в мастерской была тяжелая и грязная, а деньги не большие.

В то время автомастерских было мало, и попасть туда простому автолюбителю, было практически невозможно. Большие очереди – естественная преграда! Начальники за определенные деньги устраивали знакомых и доставали дефицитные детали. А нижнее звено, вроде наших приятелей, целую смену не разгибали спины, выполняли свою черную работу.

Правда и здесь Гоша, и Кеша делали свой маленький «бизнес». С ремонтируемых машин снимали старые и испорченные детали, их или складывали, или выбрасывали в металлолом на свалку. Приятели подбирали или просто воровали это старье, чистили, мазали техническим маслом, заворачивали в бумагу, упаковывали в коробку и продавали на авто-рынке. Этот рынок в семидесятые-восемидесятые года процветал. Детали для машин купить было тяжело, а там можно найти все, что пожелаешь. Но рынок, есть рынок, там можно было приобрести за большие деньги и испорченный товар. Этим и пользовались наши мастера.

Каждую субботу и воскресенье приятели с кучей всякого автомобильного хлама, торчали в рядах продавцов. Десять лет проведенные на рынке дали свои результаты: их знали все автомобилисты, и они знали многих.

В Армии приятели не служили, еще в училище Гоша и Кеша получили белые билеты. У первого было что-то с сердцем, у второго что-то с легкими, что не мешало ему выкуривать две пачки «Беломорканала» в день. Их дворовые знакомые, в основном, пошли по этапам, но некоторые образумились и при встрече не замечали наших друзей.

Нечаянное знакомство на рынке перевернуло всю их жизнь. Однажды, к ним подошел человек в шляпе и очках и попросил какую-то дефицитную деталь, предложив хорошие деньги. Этой детали у них не было, но они обещали ее достать в течение недели. Незнакомец им оставил номер теле-

фона. Наши аферисты, с уже отремонтированной и сданной хозяину машины, сумели украсть новую деталь, а на ее место поставить старую, изношенную, которая через день сломалась. Эту украденную деталь они выгодно продали директору комиссионного магазина Апраксиного двора. Так произошло знакомство приятелей с их будущим босом. Для него и его знакомых, они не раз доставали дефицитные детали, пока в мастерской этих воришек не вычислили и не прогнали с работы. Это произошло в последний год существования СССР.

Оказавшись без работы и денег, они первое время жили от продаж на рынке. А потом, набравшись храбрости, предложили свои услуги директору комиссионного магазина. Тот взял их на временную работу: подрабатывать грузчиками, дворниками и прочее. Первое время они стеснялись, «смотрели в рот» каждому продавцу и покупателю, но скоро осмелели и на всех просящих стали смотреть свысока. Они первые узнавали, какие вещи приносили в магазин и сколько они стоят сейчас и после уценки. У них появилась своя клиентура, которая заказывала определенный товар и наши молодчики, за некоторую сумму сверх цены, доставляли нужное покупателю.

В конце восьмидесятых стали открывать границы соседних стран и в бывшее СССР хлынули потоки различной радиоаппаратуры и дефицитных вещей. Гоша и Кеша впервые надели на себя настоящие американские джинсы и турецкие

кожаные куртки. Курили они исключительно заграничные сигареты и лениво жевали настоящие жевательные резинки. Знакомые и покупатели смотрели на них, как на «Богов». Все «достать» могли только они, конечно после директора и его приближенных.

Друзья легко научились распознавать настоящий товар и подделку. Стали за дешевую вещь «драть» со своих клиентов баснословные деньги. У них были свои приемы обработки товара. Например, с дорогих джинсов, они снимали нашивки и прикрепляли их к дешевым. Также делали и с другими вещами. Особенно большие деньги они имели за продажу иностранной аппаратуры: телевизоров, приемников, видеомагнитофонов. Здесь их мошенничество доходило до самой крайности. Приятели могли незнакомому покупателю показать настоящий приемник, дать его подержать в руках, послушать его работу, а потом ловко засунуть в красивую упаковку рулон бумаги, тщательно упаковать коробку, обернуть липкой лентой и отдать такую «куклу» просителю.

Вот, что они делали честно – это делили деньги между собой. Здесь они были верны принципам братства – все поровну!

Рядом с комиссионным магазином, через стенку, находился магазин по продаже запасных деталей к автомобилям и мотоциклам. Они и там сумели хорошо устроиться. Перезнакомившись со всеми продавцами, наши приятели знали, какой товар есть в магазине, какой придет скоро и что при-

прятано за прилавком. Гоша с Кешей быстро находили покупателей на нужные запчасти, не забывая делиться с продавцами. Все были довольны, и наши махинаторы всегда были при деньгах. Правда, иногда и у них были неприятности. Раз или два в месяц им доставалось от обманутых покупателей. Тогда приходилось или с извинениями возвращать деньги, или «доставать» дефицитный товар, или, прикрываясь своими рослыми знакомыми, просто пугать наседавших обидчиков. Все это они рассказывали мне у пивного ларька или в баре столовой, где я угощал их дармовой выпивкой. Зарабатывая больше меня, они всегда стремились выпить за «бесплатно», а мне приходилось платить, поддерживая дружеские отношения с этими личностями. А что было делать? Мой автомобиль без таких знакомств, сгнил бы в гараже. Запасные части, ой, как трудно было достать без таких знакомых.

Однажды, когда друзья пили со мной бесплатное пиво, они рассказали, как недавно провернули с каким-то стариком денежное дело, подсунув ему вместо дорогой магнитолы, пустую коробку. Я попросил рассказать подробнее. Гоша и Кеша со смехом передали все мельчайшие детали происшедшего.

В понедельник, утром, к продавцу обратился почтенного вида старик, с просьбой достать японскую магнитолу. Продавец, молодой парень, смекнув, что можно хорошо заработать, указал этому деду на Гошу и попросил поговорить с ним. Ну, а дальше все было делом техники наших пройдох. К

вечеру весь магазин знал, как покупателю подсунули пустую коробку за крупную сумму денег. А когда через час рассерженный старик пришел и стал требовать с них деньги, они отозвали его на задний двор и показали «фигу», а Кеша, бывший с утра «под градусом», стукнул почтенного джентльмена ниже пояса ногой. Покупатель как-то спокойно посмотрел ему в глаза и медленно произнес: «Вы это зря делаете молодой человек!» И тихо прихрамывая, побрел от магазина. После таких слов Гоша и Кеша почувствовали себя не очень-то хорошо, но винные пары, гулявшие в них, только усилили браваду. Им много раз сходило с рук мошенничество, авось и на этот раз все пройдет!

Недели три, все было как обычно – товар, продажа, хруст зеленых в кармане. Приятели давно забыли этот инцидент со стариком. А дальше развернулась картина, о которой я узнал значительно позже.

Через месяц мне пришлось заглянуть в магазин за какой-то мелочью. Спросив у продавцов про своих знакомых, услышал: «Да их убили! Милиция кое-что нашла, но мы не знаем подробностей». Через некоторое время выплыли и подробности.

Старый покупатель их не забыл. Он просто дал им время успокоиться и забыть о происшедшем. Вор «в законе», главарь крупной преступной группировки, делал подарок своему внуку, но его грязно оскорбили в магазине, два каких-то мелких жулика. И он решил их наказать.

Утром к магазину подъехала «Газель», из нее вышел молодой, веселый парень и попросил сторожа познакомить его с Гошей и Кешей. Получив обычные чаевые, сторож привел приятелей. Новые знакомые предложили приятелям сбыть партию японских приемников. Те, почувствовав, что можно крупно заработать – согласились. Их пригласили в фургон посмотреть аппаратуру. Ничего не подозревая, Гоша и Кеша нагнулись над большой картонной коробкой. Два выстрела в затылки, оборвали начатое дело. Веселый парень и шофер, плотно связав тела, упаковали их в длинную коробку, не забыв сделать контрольные выстрелы.

«Газель» спокойно выехала со двора и растворилась в потоке машин. Сторож, занимаясь своими делами, не слышал выстрелов, а на отъезд машины, исчезновение приятелей, не обратил никакого внимания.

Трупы привезли к Финскому заливу и переложили на катер, который утопил их подальше от берега. И все было бы хорошо для бандитов, но шторм выбросил тела на берег. Милиция, давно наблюдавшая за действиями этой банды, вышла и на это убийство. Правосудие восторжествовало и в отношении убийц, и в отношении Гоши и Кешы.

Мне было жаль этих парней. Я их считал не злобными, а просто дурными и жадными до денег. Им хотелось «все и сразу», намучившись от нищеты и попав в водоворот ценностей, они решили, что стали «акулами» в жизни, но были проглочены еще более крупными хищниками.

Две Ольги – два Олега

Осень – счастливое время для художника. Я очень любил рисовать природу в это время. Особенно мне нравился октябрь: когда почти вся листва покидает ветви деревьев, и через оголенные места видны небо и пейзаж далеко позади стволов. Вся эта волшебная картина черных линий ветвей и туманной голубой дали вызывает у художника большой прилив творческой энергии. Многие художники уходят в парки, выезжают за город, а мне, в девяностые годы, нравилось рисовать на Смоленском кладбище Васильевского острова. Кладбище было заброшенным, центральная часть еще хранила какой-то порядок, а по краям, ближе к дорогам, была полная разруха. Эта разруха давала определенное очарование пейзажу: затопленные могилы, кустарник, камни, кое-где части разрушенных памятников, разбитых склепов. Вечером все это облито красно-оранжевым светом заходящего солнца; утром другая картина – голубой туман постепенно снимает занавес с видимой картины. Со стороны речки Смоленки, справа находилось надгробие в виде креста - памятник умершему от ран командиру полка в Первую Мировую войну. Этот крест, обвитый плющом и прикрытый кустарником, с поредевшей листвой при вечернем солнечном освещении являл собой чудесную картину. Не менее двадцати этих пейзажей были мной потом исполнены. Немного подальше

старые захоронения были уничтожены, и на их месте появились новые памятники. Особенно были заметны два черных мраморных памятника. Один простой, вертикальная плита с золотым тиснением портрета погибшего солдата и краткой надписью. Другой, похож на мавзолейный вход классической архитектуры - молодого человека и пожилого мужчины с портретами и витиеватой надписью. По субботам около этих могил я видел двух нестарых женщин. Одна – высокая, прямая в черном платье. Другая – маленькая полная в темном костюме. Они приходили в одно и то же время, приносили одинаковые цветы и, постояв минут десять у могил, вместе шли к выходу. Я на них мало обращал внимания – занимался своим творчеством.

Но однажды в субботу, я пришел раньше обычного. Сделав свою работу, выходил с кладбища вслед за этими женщинами. За воротами, кто-то тронул меня за рукав и назвал по имени. Я обернулся и увидел знакомое лицо учительницы, с которой раньше работал в школе. Мы разговорились. Вспомнили школу, коллег, веселые и печальные истории из нашей жизни. Не спеша подошли к выходу с кладбища. У цветочного киоска моя коллега мило поздоровалась с двумя моими незнакомками в темных платьях. Я заинтересованно спросил: «Откуда вы их знаете?» Она удивленно на меня посмотрела и сказала: «Разве вы не узнаете этих подруг? Они учились у вас». Я еще раз посмотрел на этих женщин и ответил отрицательно. «Если не помните – я расскажу о них»,

- ответила она и принялась рассказывать довольно длинную историю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.